

Инесса Александровна Васильева-Лысак

Мраморный чернильный прибор

Более шестидесяти лет этот письменный прибор, выполненный из очень красивого серого мрамора, на котором помещались две хрустальные чернильницы с крышечками в виде церковных куполов, и держатели для ручек и карандашей. Все они были выполнены из металла под золото, как крышечки для чернильниц, так и держатели карандашей и ручек, которые имели форму двух одинаковых ветвей дерева. Вся эта композиция являлась великолепным украшением большого письменного стола. Прибор стал украшением этого стола, судьба распорядилась так, чтобы все шестьдесят с лишним лет он постоянно приковывал к себе особое внимание. Его гордая осанка, и величавость, особенно, когда его почистят, сияла и манила к себе каждый взгляд.

История его поселения на письменном столе с зеленым сукном уходила в далекий 1943 год. Когда Великая отечественная война с немецкими оккупантами была в самом разгаре, когда сформированные подразделения отправлялись на фронт, а участники той войны, прощались со своими близкими, родными и любимыми людьми, не знали своей участи, вернуться они или нет когда-нибудь к ним. Каждый из них оставлял о себе на память, что мог.

Ранним утром 15 мая 1943 года, к дому подскакал верховой, он был связным начальника штаба, постучав, передал пакет. В пакете, из плотной оберточной бумаги оказался письменный прибор и фотография. Письма не было, вестовой сказал, что приказ получили ночью, подразделение уже грузится в вагоны, начальник штаба находится там, просил извинить его, что не смог написать, он руководил погрузкой в вагоны солдат, пушек и лошадей. Вестовой ускакал, а мраморный прибор своим весом усиливал тяжесть на сердце, от такого внезапного

сообщения. Часов в десять утра, так же внезапно прискакал на своей прекрасной рыжей лошади, с белой звездой во лбу, сам начальник штаба. Примчался, чтобы попрощаться с дорогими людьми, уезжая, возможно навсегда.

Беспощадные законы войны никогда и ни кому ничего не обещали, а что можно было обещать, уезжая на передовую линию фронта, как в бездну.

Письма с фронта приходили очень редко, были ласковыми, но очень короткими. Содержали больше вопросов, как живется в тылу. О себе писали скромно, в основном живы и здоровы, бьем немцев. И беспощадно гоним их с нашей святой земли, освобождаем наших людей от произвола оккупантов. Вся страна ежедневно ждала последних известий с фронтов. Около уличных громкоговорителей всегда собирались толпы, в основном старики и детвора. Горячо обсуждали все фронтовые события, соображая на каком фронте успешные события, радовали в тот день. Ловили на слух имена уже известных полководцев, руководивших военными действиями на тех фронтах. Это были известные тогда имена Жукова, Рокоссовского, Ватутина, Конева и многих других. За их действиями следила вся страна. Каждое продвижение по линии фронта обсуждалось в коллективах и в семьях, где ждали вестей от своих фронтовиков, радовались успехам, или обливали слезами похоронки.

В той семье мраморный письменный прибор, был всегда центром общего внимания. За столом читались письма и газеты, так же обсуждались события. Писались письма на фронт, не сообщая тех трудностей, которые тогда были в тылу. Единым лозунгом и призывом тогда было: « Все для фронта, все для Победы». С письменным прибором разговаривали, ему сообщали все события, и когда были письма, и когда их не было. Иногда, просто хотелось присесть на минутку около стола, посидеть молча, а письменный прибор словно понимал каждого, подбадривал

своим видом, и уверенностью, вселяя добрые надежды.

Последнее письмо с фронта от начальника штаба пришло в последних числах марта 1944 года. Письмо было с очень хорошими новостями. Их подразделение попало на 3 Белорусский фронт, подробно описывал местность Белоруссии, по которой приходилось проходить с боями, как тащили пушки по вязкой почве, уставали не меньше своих лошадей. Кроме описанных трудностей сообщил, что перед очень трудным боем его приняли в партию ВКПб, после боя пришел приказ, ему присвоили звание капитана. К письму была пришта белыми нитками фотография, очень маленькая, вероятно, фотографировался на фронте для партийного билета. Общий настрой письма был оптимистичен, он уверенно писал, что скоро войне конец. В конце письма он спрашивал, может ли он считать наш дом своим домом, а после войны может ли он приехать к нам навсегда.

Получил ли он наш положительный ответ, на свой вопрос, так и не удалось узнать. Писали ему часто, но ответов не получали, командир части тоже ни разу не ответил на наши запросы. Не хотелось верить, что его уже не было в живых. Может ли быть что эти ребята, окончившие военные артиллерийские училища, грамотно владея своей военной профессией, в свои 23 года, могли погибнуть. Такой высокой ценой добывали тогда победу над врагом. Не верилось тогда, не верится и теперь, потому, что все шестьдесят с лишним лет думалось, была какая-то ошибка, часть поменяла номер полевой почты, но даже такие самоутраченности не приносили ответов. Узнать что-либо о судьбе начальника штаба и его боевых друзей было просто невозможно, потому, что успех наших войск в боевых действиях в то время, позволял им быстро продвигаться на Запад, за пределы границ, нашей тогда необъятной Родины. Конечно, потери были огромны.

Судьба письменного прибора за эти долгие годы не

изменилась, он так же уверенно стоял на письменном столе, хотя теперь уже никто не пишет перьевыми ручками, макая их в чернильницу, но прибор не утратил своего величия, и нашего уважения. Временами казалось, что он тоже грустил с нами, металлические части его тускнели, и не радовали золотым блеском, но после очередной чистки, он опять блестел, утешая нас как раньше. Он с тех незапамятных времен был нашим другом, с ним всегда разговаривали, к его мраморному основанию всегда ставили вазочку с цветами, потому, что для нас он навсегда остался полезным и красивым другом. Это письменный чернильный прибор сохранил для нас память о прекрасном человеке.